

Резонатор

Инна Зименкова

Инна Зименкова

Резонатор

«Автор»

2026

Зименкова И.

Резонатор / И. Зименкова — «Автор», 2026

Звукорежиссёр Марк привык доверять тому, что записано. Но однажды на старой плёнке он слышит шёпот, которого там быть не может. «Не ищи шаги». Голоса приходят из старых аппаратов, из стен заброшенной школы, из темноты пустой больницы. Каждый звук ведёт к двери, за которой — его двойник, ждущий встречи больше ста лет.

© Зименкова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Резонатор

Глава

Глава 1. Шёпот на нулевой громкости

Марк не любил работать ночью. Но заказчик скинул материал в десять вечера, утром нужен был чистовой вариант, поэтому он сидел в наушниках, пялился в экран и резал звук.

Подкаст был про историю старого рынка. Диктор говорил бодро, но Марк уже устал. Он выравнивал громкость, убирал шумы, чистил паузы. Работа серая, но привычная. Тысячи часов в наушниках, тысячи голосов, которые проходили сквозь него и исчезали. Иногда ему казалось, что он сам становится пустым — просто сосудом для чужих звуков.

На таймлайне осталось минут сорок записи. Марк прокрутил до середины, поправил эквалайзер — и вдруг услышал что-то странное.

Шёпот.

Очень тихий, на нижней грани слышимости. Без слов — просто шум. Как если бы кто-то говорил рядом с микрофоном, но не в него, а сквозь. Как будто голос шёл из другой комнаты, через стену, через бетон, через время.

Марк нажал паузу. Прокрутил назад на три секунды. Включил.

Диктор продолжал про торговые ряды. Никакого шёпота.

«Показалось», — подумал Марк. Усталость, монотонная работа, вечная нехватка сна. Он потёр глаза, сделал глоток остывшего кофе и пошёл дальше.

Через минуту — снова.

Теперь чётче. Голос был ближе, словно кто-то наклонился к самому уху. Марк выкрутил громкость на максимум, наклонился к монитору.

«...ици...»

Он замер. Перемотал ещё раз. Вслушался. Тишина. Потом — снова.

«Не ици...»

Сердце стукнуло раз, другой. Марк выдохнул, снял наушники. В комнате было тихо. Только вентилятор гудел где-то в системном блоке, да за окном изредка проезжали машины.

Аня спала в спальне, дверь приоткрыта, свет из коридора падал на пол. Кот сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Всё как обычно. Ничего необычного.

Марк посидел минуту, потом снова надел наушники. Прогнал кусок через спектроанализатор. Ниже ста герц — пустота. Ниже пятидесяти — ничего. Человеческий шёпот лежит выше, но программа не показывала ничего, кроме голоса диктора и едва слышного шипения старой плёнки.

— Бред, — сказал он вслух.

Но внутри засело мерзкое ощущение, что он что-то пропустил. Что-то важное. Что-то, чего не должно было оказаться на этой записи, но оказалось.

Он выключил компьютер, пошёл в спальню. Аня повернулась на другой бок, пробормотала что-то неразборчивое. Марк лёг рядом, закрыл глаза.

Долго не мог уснуть.

В темноте ему слышался тот же шёпот — тихий, настойчивый, как будто кто-то стоял у изголовья. Он открывал глаза — никого. Только блики от фонарей на потолке.

«Это просто работа», — убеждал он себя. — «Мозг устал, начал додумывать».

Но он не додумывал. Он слышал.

Утром он забыл про шёпот. Встал, сдал заказ, съел яичницу. Аня уже ушла на работу — она маркетолог, всегда спешит, всегда с телефоном в руке. Оставила записку на холодильнике: «Молоко купи».

Марк купил молоко. Потом позвонил заказчику, обсудил новый проект. Потом перекинулся парой сообщений с приятелем про новый синтезатор. Обычный день. Жизнь шла своим чередом.

А вечером он снова сел за звук.

Новый подкаст. Новая тема — старые городские легенды. Диктор рассказывал про заброшенный театр, про актёра, который умер прямо на сцене во время спектакля. Говорили, что его голос до сих пор слышат в зрительном зале по ночам. Марк усмехнулся — очередная байка для доверчивых слушателей.

Голос на записи был чистый, никакого брака. Марк работал спокойно, выравнивал уровень, убирал случайные щелчки. Всё шло как обычно.

Пока он не дошёл до середины.

И снова шёпот.

Теперь другой. Не просто слова — целая фраза.

«...ты... слышишь... меня...»

Марк отодвинулся от стола, как будто компьютер мог его укусить. Встал. Прошёлся по комнате.

— Это невозможно, — сказал он пустым стенам.

Он подумал: может, в наушниках брак? Взял другие, подключил — те же слова, тот же тихий, почти детский голос. Помычал на микрофон, записал свой голос — воспроизвелось нормально. Чисто, без помех.

Тогда он скопировал кусок записи на телефон. Встал с рабочего места, ушёл на кухню. Закрыв дверь. Надел свои обычные блютуз-наушники — те, в которых слушал музыку по дороге на работу.

Включил.

Диктор. Легенды. Театр. Никакого шёпота.

Марк перемотал на то же место, что и на компе.

Диктор. Тишина. Снова диктор.

Ничего.

Он вернулся в комнату. Сел за компьютер. Надел студийные наушники, которые были подключены к аудиоинтерфейсу — большие, закрытые, с толстыми амбушюрами.

Включил.

«...слышишь меня?»

Голос был совсем близко. Марк почувствовал, как волосы на затылке зашевелились. Он смотрел на экран, на волновую картинку — она не показывала ничего, кроме голоса диктора. Никаких всплесков, никаких дополнительных частот.

Но он слышал.

Он выключил всё. Снял наушники. Положил руки на стол.

— Что за хрень? — сказал он громче чем собирался.

Марк не был суеверным. Не верил в призраков, не смотрел ужастики, не читал форумы про экстрасенсов. Звук для него был работой — волны, частоты, герцы. Либо есть сигнал, либо нет. Либо запись чистая, либо бракованная. Чётко, понятно, без мистики.

А тут сигнал был. Но только на одном оборудовании.

Он перезагрузил компьютер. Проверил все кабели. Обновил драйверы. Ничего не помогло.

Шёпот возвращался. Всегда на разных файлах, всегда в середине, всегда разный по громкости. Иногда казалось, что голос зовёт его по имени, но Марк не был до конца уверен — слишком тихо, слишком неразборчиво.

«Не ищи шаги» — услышал он в следующий раз, и эти слова прозвучали так отчётливо, будто кто-то стоял за спиной.

Марк резко обернулся. Никого.

Он записал этот фрагмент на диктофон телефона — просто поднёс к наушникам. Потом воспроизвёл запись.

Свой собственный голос, который говорил: *«Не ищи шаги»*.

Он выключил всё и лёг спать. На этот раз без попыток уснуть — просто закрыл глаза и лежал, слушая тишину.

Аня пришла под утро, усталая, с тёмными кругами под глазами. Зашла в комнату, увидела, что он не спит, сидит в темноте, уставившись в потолок.

— Ты чего не ложишься? — спросила она.

— Да так. Работа.

— Опять до утра за компом?

— Нет, я давно выключил.

— Странный ты, — сказала она и пошла в душ.

Марк смотрел в потолок и думал: кто сказал «не ищи шаги»? И почему он не может это проверить? Почему голос слышен только через одни наушники и исчезает в других?

Он ещё не знал, что ответа на эти вопросы нет ни в одной программе для звука.

И что шаги, которые ему запрещали искать, уже шли за ним по пятам.

Глава 2. Скрежет в пустом классе

Марк нашёл школу через знакомого риелтора. Здание на Северной улице расселили пять лет назад, крыша местами протекала, но внутри ещё более-менее. Охраны нет. Соседи не жалуются.

— Там даже бомжи не живут, — сказал риелтор. — Сыро очень.

Марку было плевать на сырость. Ему нужен был пустой класс с нормальной акустикой — не студийной стерилкой, а живым помещением. Бетон, окна, деревянный пол. Чтобы звук был настоящий. Чтобы слушатель чувствовал пространство — дыхание комнаты, её пустоту, её память.

Заказчик — продакшен «Тени за сценой» — делал аудиоспектакль про школу, где по ночам происходило странное. Режиссёр хотел бинауральную запись: как будто слушатель сам идёт по коридору, открывает дверь, садится за парту. Марк должен был нарезать библиотеку звуков — шаги, скрипы, хлопки, эхо. Обычная работа, ничего сверхтакого.

Он приехал после обеда. Небо серое, моросит дождь. Школа стояла в глубине двора, трёхэтажная, с выбитыми стёклами на втором этаже и облупившейся краской на фасаде. Двор зарос бурьяном, детская площадка проржавела. Качели скрипели на ветру — мерзкий, тоскливый звук.

Внутри пахло сыростью и старым деревом. Марк прошёл в холл, осветил фонариком. Стены крашены зелёным, пол плиточный, в углу ржавая батарея. На стене — расписание уроков, последняя дата: 15 мая 2017 года. Пять лет назад здесь ещё учились дети.

Он нашёл лестницу, поднялся на второй этаж. Коридор длинный, бесконечный, в конце тусклый свет из разбитого окна. Вдоль стен — выцветшие плакаты: «Береги природу», «Учение — свет», портреты классиков в потёртых рамках. Всё выцветшее, забытое.

Марк заглянул в три кабинета — везде пусто, только голые стены и сломанные стулья. Пыль толстым слоем лежала на подоконниках. В четвёртом оказались парты. Не все, штук десять, и старая доска на стене. Чья-то забытая тетрадь лежала на первой парте. Марк открыл — чистые листы. Кто-то купил её, но так и не начал писать.

— Красота, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо, растворился в пустоте, не встретив препятствий. Акустика здесь была уникальная — мягкая, но с долгим затуханием. Идеально для бинауральной записи.

Он достал рекордер, бинауральную голову — пластиковую болванку с микрофонами в ушах — поставил на учительский стол. Подключил наушники, проверил уровень сигнала. Всё работает.

Марк начал по списку, который составил накануне вечером. Сорок пять пунктов. Работа на несколько часов.

Сначала шаги. Прошёлся от двери к доске — медленно, потом быстрее. Записал. Прошёлся по-другому, с паузой, с остановкой у окна. Прокомментировал в диктофон: *«Шаги по линолеуму, темп средний, коридор, второй этаж, обувь — кеды»*. Потом снял кеды, прошёлся в носках — совсем другой звук, более глухой, приглушённый.

Потом скрип парты. Нашёл ту, что держалась на честном слове — ножки расшатаны, крышка болтается. Подвинул раз, другой. Записал. Потом стул — повернулся, скрипнул ножками. Потом старый деревянный стул из учительского стола — тот скрипел иначе, солидно, с достоинством.

Потом хлопок двери. Вышел в коридор, закрыл за собой, потом резко открыл. Звук получился глухой, с хорошей реверберацией. Записал с трёх метров, с пяти, с десяти. Потом попросил тишину — записал просто пустой коридор, без движений. На плёнке получился шум — отопление где-то в подвале гудело, видимо не отсоединили от общей котельной.

Потом окно. Подошёл к раме, открыл створку — внутрь влетел шум дождя и далёкая сирена. Город жил своей жизнью где-то там, далеко, а здесь, в школе, время остановилось. Марк держал окно открытым секунд двадцать, слушал дождь, потом закрыл. Резкий контраст — тишина ударила по ушам.

Марк уже почти закончил. Оставалась доска. В списке было: «мел — скрежет, удар, штрих». Он нашёл в ящике учительского стола развалившуюся коробку, внутри два огрызка. Один белый, другой жёлтый. Белый был сломан, жёлтый стёрт почти до основания.

Он взял белый, подошёл к доске.

Доска была старая, зелёная, с вытертой поверхностью. На ней кто-то когда-то писал мелом, но буквы стёрлись, остались только белые разводы. Марк провёл мелом один раз — обычный скрежет. Нормальный звук, ничего особенного. Записал.

Провёл второй — под другим углом, сильнее, чтобы получить более резкий звук. Записал. Остался последний дубль — для запаса.

Он взял жёлтый мел, подошёл к другому краю доски. Провёл.

И в наушниках вместо скрежета услышал детский смех.

Не громкий, нет. Тихое, едва слышное хихиканье, как будто ребёнок спрятался за партой и боялся, что его найдут. И следом — голос женщины, усталый, но ласковый: *«Не бойся, это просто игра»*.

Марк отёрнул руку. Мел упал на пол и раскололся на три части.

Он постоял секунду, потом нажал на рекордере «стоп». Перемотал назад на пару секунд. Включил воспроизведение.

Скрежет. Никакого смеха. Только мел по грифельной доске.

— Что за хрень? — сказал он.

Перемотал ещё раз, сделал громче.

Скрежет. Ничего.

Тогда он вытащил из рекордера карту памяти, вставил в телефон. Открыл файл, пролистал до нужного места.

Скрежет. Ничего.

Марк сунул карту обратно, надел наушники, подключил рекордер напрямую. Нашёл тот же участок — тот, где мел коснулся доски.

И снова услышал.

Смех. Тот же детский голос, но теперь он звучал грустнее, как будто ребёнок понял, что его никто не ищет. И голос женщины: *«Не бойся, это просто игра. Мы тебя найдём».*

Марк снял наушники. Посмотрел на доску, на мел на полу. В классе было тихо — только дождь за окном и где-то далеко каркает ворона.

— Так, — сказал он себе. — Спокойно.

Он выключил рекордер, собрал бинауральную голову, сложил всё в рюкзак. Посмотрел на доску ещё раз.

На ней ничего не было. Только старые белые разводы.

Он вышел из класса. Коридор казался длиннее, чем час назад. Марк шёл быстро, почти бегом, чувствуя спиной чей-то взгляд. Оборачивался — никого. Голые стены, выцветшие плакаты, пыльный пол.

Он спустился по лестнице, вышел на улицу. Дождь почти кончился, небо светлело. Серая пелена разрывалась, и в разрывах виднелось бледное солнце.

Марк сел в машину, завёл двигатель. Посидел минуту, глядя на фасад школы.

Потом достал телефон, набрал Аню.

— Привет. — Голос у него был ровный, но он слышал в нём что-то чужое, как будто говорил не он.

— Ты чего звонишь? — Аня явно была на работе, слышно было клавиатуру и чей-то далёкий голос.

— Ничего. Просто... Я записал звуки, сейчас домой еду.

— Молодец. Молоко купил?

— Купил.

— Ну всё, я занята, вечером поговорим. Давай.

Она отключилась.

Марк убрал телефон, завёл машину. В зеркале заднего вида школа выглядела обычной — обшарпанной, заброшенной, ничем не примечательной. Обычный старый дом, каких тысячи.

Но он знал, что внутри, в пустом классе, в разломанной коробке, кто-то оставил не просто мел, а голос.

Чей-то смех, которого никто не слышал много лет.

Он выехал со двора и всю дорогу домой молчал. Только дождь стучал по крыше, и дворники скрипели по стеклу.

Дома он скинул файлы на компьютер. Сделал копии на внешний диск — на всякий случай. Прогнал спектроанализатором — как в прошлый раз. Ничего аномального: частота в норме, шумов нет, никаких посторонних вкраплений.

Он открыл тот самый кусок — скрежет мела. Послушал через студийные наушники, которые лежали у него на столе.

Скрежет.

Переключил на наушники, которые были в машине — те же, обычные, которые он купил в супермаркете за тысячу рублей.

Скрежет. Ничего.

Тогда он достал с полки старые советские наушники, которые достались от отца. ТДС-5, большие, коричневые, с кожаными амбушюрами и толстенным кабелем. Отец работал в них за компьютером в девяностые, записывал какие-то свои голоса. После его смерти Марк не мог выбросить наушники — просто положил на полку и забыл.

Он воткнул их в аудиоинтерфейс, надел.

И услышал.

Смех — громче, чем раньше. Не детский, почти взрослый. И не смех даже, а всхлип, переходящий в смех. И голос женщины: *«Не бойся, это просто игра. Мы тебя найдём, Алиса. Мы обязательно найдём».*

Марк замер. Алиса. Он не знал никакой Алисы.

— Только в этих? — спросил он себя.

Попробовал другие наушники — молчат. Только в этих, старых, отцовских, детский смех оживал и рассказывал свою историю.

Марк записал на телефон то, что услышал. При воспроизведении — ничего. Только шипение и тишина.

Он сидел за столом, смотрел на экран. Перед ним был файл, внутри которого был звук, которого не было.

Аня пришла с работы уставшая, раздражённая. Она была не в духе — кто-то накосячил на работе, и ей пришлось переделывать чужую работу.

— Ты чего сидишь в темноте? — спросила она, щёлкнув выключателем.

— Да так.

— Опять со своим звуком возишься?

— Ага.

Она скинула куртку, прошла на кухню. Хлопнула холодильником. Марк слышал, как она греет ужин и разговаривает по телефону с подругой — про кого-то, кто кого-то бросил, про скидки в «Золотом яблоке».

Он закрыл проект, выключил монитор. Встал, пошёл на кухню, налил себе чай.

Аня посмотрела на него.

— С тобой всё нормально?

— Да. Устал просто.

— Сходил бы в душ.

— Схожу.

Он постоял у окна, глядя на тёмную улицу. Потом взял телефон и в поисковике набрал: *«заброшенная школа Северная история Алиса»*.

Вылезла старая заметка в городской газете за 2002 год: «В школе №14 на Северной улице во время ремонта обрушилась стена. Пострадавших нет, но работы приостановлены».

Ниже — короткое дополнение, которое Марк пропустил в прошлый раз: «В тот же день в классе, где велись работы, учительница обнаружила записку. Бумага пожелтевшая, чернила выцвели. На листе детским почерком: "Мама, я не боюсь, просто темно". Записку никто не идентифицировал. Кто её написал и когда — осталось загадкой. Некоторые учителя вспомнили, что в школе училась девочка по имени Алиса, которая пропала годом ранее. Обстоятельства пропажи не установлены».

Марк выключил телефон и пошёл в душ.

Вода была горячая, пар затянул кафель. Марк стоял, закрыв глаза, и чувствовал, как струи бьют по лицу, по плечам. Но ему казалось, что за спиной кто-то стоит. И смотрит.

Он вытерся, надел футболку, вышел из ванной.

В комнате было пусто. Аня уже спала, отвернувшись к стене.

Марк лёг, выключил свет.

Глава 3. Девушка с кассетным плеером

Марк два дня не трогал записи. Вообще не трогал — даже не включал компьютер. Он сидел на кухне, пил кофе и смотрел в окно. Работа стояла. Заказчики писали, но он откладывал ответы. Не мог. Не хотел. В голове крутился детский смех и голос женщины: «Не бойся, это просто игра».

Аня замечала его состояние, но не спрашивала. Сама была на взводе — какой-то проект горел, она бегала с телефоном, ругалась с подрядчиками. Они жили как соседи по коммуналке: вечером ужинали в тишине, утром расходились по своим углам.

— Тебе не кажется, что ты помешался? — спросила Аня за завтраком на третий день.

— В смысле?

— На этих звуках. Ты всю ночь в наушниках просидел. Я вставала попить воды — ты сидел за столом, как статуя. И не шевелился.

Марк промолчал. Она была права. Он действительно просидел полночи, переслушивая один и тот же кусок — скрежет мела, который иногда превращался в смех. Искал закономерность, пытался понять, есть ли какая-то последовательность. Может, если перемотать на секунду назад, голос изменится? Может, если слушать в обратную сторону, проступит что-то ещё?

— Это для нового проекта, — сказал он. — Технический момент. Сложная акустика.

Аня посмотрела на него долгим взглядом, будто хотела что-то сказать, но передумала. Потом взяла телефон, ключи, сумку.

— Ладно. Я на работу.

Дверь хлопнула.

Марк остался один. Допил кофе, помыл чашку, вытер руки. Взял ноутбук — не для работы, а для поиска.

Он открыл браузер и набрал: «старые записи странные голоса». Выскочили форумы аудиофилов, обсуждения винтажной техники, жалобы на шумные предусилители. Ничего похожего на то, что происходило с ним.

Тогда он добавил: «заброшенная школа смех на записи». Результат — десяток ссылок на любительские видео с YouTube. Кто-то снимал заброшки, кто-то писал звуки природы. Никто не жаловался на голоса.

Марк почти отчаялся, когда на пятой странице нашёл ссылку на старый форум, закрытый ещё в 2015 году. Название: «Городской звуковой архив. Вопросы и ответы». Последнее сообщение было от пользователя с ником «Эдгар_65»: «Если вы слышите то, чего не может быть, приходите на Северную, 17. Спросите у дежурного».

Северная, 17. Марк знал этот адрес — там был склад, или мастерская, или что-то в этом роде. Рядом с бывшим бомбоубежищем.

Он сунул в рюкзак наушники, рекордер и поехал.

Здание на Северной, 17 оказалось серым, без вывески, с дверью, обитой ржавым железом. Домофон не работал. Марк толкнул дверь — она открылась.

Внутри пахло пылью, старыми журналами и чем-то сладким, похожим на ваниль. Коридор уходил вниз, под землю, стены были обиты звукопоглощающими панелями — старыми, в пятнах. Горели лампы дневного света, одна моргала в конце коридора, создавая эффект киноплёнки.

В конце коридора нашлась дверь с табличкой: «Архив звукозаписей. Часы работы: 12–18, кроме вторника». Марк толкнул дверь и вошёл.

Помещение оказалось большим, с высоким потолком и стеллажами до потолка. На полках — тысячи кассет, дисков, катушек с плёнкой. На некоторых коробках были пометки: «Уличные шумы. 1987», «Голоса птиц. Окрестности города», «Заводской гудок. Последняя запись». В углу стоял старый проигрыватель пластинок с обломанной иглой. Над ним висела табличка: «Не включать!»

В центре комнаты стоял большой стол с двумя проигрывателями, кучей проводов и старой лампой на гибкой ножке. На стуле лежал выцветший плед.

Никого.

— Есть кто? — спросил Марк.

Тишина. Только лампы гудели где-то над головой.

Он прошёл вдоль стеллажей, разглядывая коробки. На одной из них было написано от руки: «Школа №14. Алиса. Запрещено к прослушиванию».

Марк замер. Алиса. То самое имя. Он потянулся к коробке, но не успел — сзади раздался голос.

— Ты чего делаешь?

Он вздрогнул и обернулся.

В проходе стояла девушка. Лет двадцати пяти, в старом свитере и джинсах. На шее болтался потрёпанный кассетный плеер Sony Walkman. В руке — сушка, которую она грызла с видом человека, который делает это сто лет. Длинные русые волосы собраны в небрежный хвост. На плече — сумка с нашивками рок-групп, которые Марк не узнал.

— Извините, — сказал Марк, отступая от стеллажа. — Дверь была открыта.

— Бывает. — Девушка прошла к столу, села на стул, положила ногу на ногу. — Ты кто?

— Марк. Я звукорежиссёр. Мне нужна помощь.

— С чем?

— С записями. Странные вещи происходят.

Девушка прожевала сушку, не торопясь. Посмотрела на него внимательно — не с подозрением, но и не с дружелюбием. Просто изучала. Оценивала.

— Дед говорит, с записями всегда странные вещи происходят. Это потому, что ты не знаешь, что именно записываешь. Кассета — это не просто плёнка, Марк. Это контейнер. И никогда не знаешь, что внутри.

— Как тебя зовут?

— Лиля. — Она откусила ещё кусок сушки. — Работаю здесь. Типа того. Дед хозяин, я просто сижу, слушаю кассеты и прикидываюсь, что занята.

Она кивнула на стул напротив.

— Садись, не стой столбом. Рассказывай.

Марк сел. Рассказал про шёпот, про школу, про смех, про голос матери. Про то, что звуки появляются только через определённые наушники и пропадают, когда пытаешься их записать на телефон.

Лиля слушала не перебивая. Доела сушку, отряхнула руку о джинсы.

— Хм, — сказала она. — Голоса. Через определённые наушники. Значит, ты Резонатор.

— Кто?

— Дед так называет людей, которые слышат лишнее. Я таких раньше не встречала. Думала, он выдумывает.

Она встала, подошла к стеллажу, взяла маленький серебристый проигрыватель с отломанной кнопкой перемотки.

— Дай сюда свои наушники.

Марк протянул студийные наушники — большие, чёрные, с толстыми амбушюрами. Лиля воткнула их в серебристый аппарат, нажала play. Через пару секунд покачала головой. Сняла наушники, положила на стол.

— Здесь ничего нет. А теперь слушай сюда.

Она достала из кармана свой Walkman. Маленький, потрёпанный, с царапинами на крышке и стёртой этикеткой. Протянула Марку.

— Надевай.

Марк взял плеер, надел наушники. Тишина. Шипение. Потом — женский голос, очень тихий, будто из-под воды, будто говорили не через микрофон, а через подушку.

«Ты не виновата».

Марк снял наушники. Посмотрел на Лилю.

— Это не моя запись, — сказала она спокойно. — Я этот плеер сто раз слушала. Там только музыка — старые песни, дед записал лет двадцать назад. А в прошлом месяце — раз — появилось это. И больше нигде. Ни на телефоне, ни на компе. Только в нём.

Она взяла плеер, сунула обратно в карман.

— У тебя тоже так? — спросил Марк.

— У меня — да. А у тебя я не знаю. Ты говоришь, через одни наушники слышишь, через другие нет. Может, дело не в наушниках. Может, в аппарате.

Она кивнула на чёрный проигрыватель, к которому Марк подключался первым — тот, что стоял на краю стола.

— Этот, например, — сказала она. — Я его знаю. Он из подвала деда. Там таких полно. Некоторые ничего не играют, некоторые играют странные вещи. Дед говорит, они помнят то, чего не было. Или то, что было не с нами. Он называет это «память места».

— И что, каждый аппарат — свой голос? — Марк чувствовал себя как во сне.

— Похоже на то. — Лиля снова полезла в карман, достала новую сушку. — Твой, например, хочет, чтобы ты не искал шаги. А мой говорит, что я не виновата. Хотя я понятия не имею, в чём.

Она встала, потянулась, хрустнула спиной.

— Слушай. Завтра в семь вечера. Приходи сюда, я отведу тебя к деду. Он покажет свой подвал. Там у него всякие артефакты. Может, твой аппарат там и нашёлся. Может, ты сам его нашёл.

— А если не приду?

Лиля пожала плечами.

— Ну, тогда ты просто чел с который слышит странные звуки. Которых нет.

Она надела наушники своего Walkman'a, отвернулась к стеллажу и больше не сказала ни слова. Палец нажимал на кнопку перемотки, голова чуть покачивалась в такт неслышной музыке.

Марк постоял минуту. Потом положил переходник на стол — тот самый, которым она дала ему попользоваться — и вышел.

На улице моросил дождь. Он сел в машину, завёл двигатель. Включил дворники.

В зеркале заднего вида серое здание архива ничем не отличалось от соседних — такие же облупленные стены, такие же грязные окна. Обычный старый дом. Но Марк уже знал, что завтра вернётся.

Потому что вопросов было больше, чем ответов. Потому что голос в плеере Лили сказал «ты не виновата», и это звучало как обращение не к ней, а к нему. И потому что он хотел знать, кто такая Алиса и почему её имя написано на коробке с запретом.

Он завёл машину и поехал домой. Всю дорогу молчал.

Дождь усиливался. Капли барабанили по крыше, дворники скрежетали по стеклу. Обычный вечер в обычном городе. Но Марк чувствовал — что-то началось. Что-то, что нельзя остановить.

И это что-то называлось звуком.

Глава 4. Человек с ключом на шее

Марк приехал ровно в семь, как обещал. На этот раз дверь архива была закрыта, но на звонок никто не ответил. Он постоял минуту, потом ещё одну. Уже собирался уходить, когда из-за угла вышла Лиля с пластиковым пакетом в руке.

— Ты рано, — сказала она без приветствия.

— Без пятнадцати семь.

— Вот именно. Раньше. Дед не любит, когда раньше. Говорит, что звуки не терпят спешки.

Она открыла дверь, пропустила Марка внутрь. В архиве было темно — только одна лампа горела над столом, отбрасывая жёлтый круг на старые катушки. Лиля бросила пакет на стул.

— Подожди здесь. Я схожу предупрежу. Он спит днём, а вечером у него «час тишины». Лучше не нарушать.

Она ушла в глубь коридора, скрылась за тяжёлой дверью. Марк остался один. Посмотрел на чёрный проигрыватель, тот самый, с облезшей краской. Не стал его трогать — вдруг

дед заметит. Вместо этого прошёлся вдоль стеллажей, разглядывая коробки. «Заводской гудок. 1973», «Голос диктора. Юбилей города», «Крик чаек. Балтийское море». Тысячи звуков, спрессованных в плёнку и картон.

Вернулась Лиля.

— Идём. Но будь тихо. У деда сегодня плохой день.

— Что значит «плохой день»?

— Значит, он опять слышит голоса. Те, которые не надо слышать.

Она провела его через дверь, потом вниз по лестнице — узкой, с низким потолком, стены которой были обиты войлоком. Пахло старой бумагой, сухим деревом и чем-то металлическим. Где-то в глубине капала вода — мерно, как метроном.

Внизу был ещё один коридор, потом ещё одна дверь. Лиля толкнула её, и они вошли в помещение, которое Марк сначала принял за склад.

Но это был не склад.

Комната оказалась большой, с бетонным полом и голыми стенами. Вдоль стен стояли стеллажи, на них — аппараты. Диктофоны, катушечные магнитофоны, кассетники, проигрыватели для пластинок, какие-то приборы с лампочками и тумблерами. Всё старое, потрёпанное, разное. Как будто кто-то собирал сломанную технику полжизни.

Марк увидел радиолу с проигрывателем, какие стояли у бабушек в гостиных, портативный кассетник с ручкой для переноски, чёрный бобинный магнитофон с огромными катушками. Каждый аппарат молчал, но казалось, что все они слушают. Ждут. Наблюдают.

В центре комнаты стоял стол, на котором горела настольная лампа. За столом сидел старик.

Он был худой, с жёлтоватой кожей и глубокими морщинами, будто время вырезало на его лице карту неведомых земель. Одно ухо — левое — было закрыто старой слуховой трубкой, какие показывают в фильмах про девятнадцатый век. На шее у него висел ключ — тяжёлый, чёрный, похожий на дверной. Рядом на столе лежала старая фотография в рамке — Марк не разглядел, кто на ней.

— Это Эдгар, — сказала Лиля. — Мой дед.

Старик поднял голову. Посмотрел на Марка долгим взглядом — не злым, но тяжёлым, будто взвешивал его на невидимых весах.

— Сядь, — сказал он голосом, похожим на скрип несмазанной двери.

Марк сел на шаткий стул. Лиля осталась стоять у входа, прислонившись к стене.

— Лиля сказала, ты слышишь голоса, — начал Эдгар без предисловий. — Через разные аппараты. Покажи.

Марк достал из рюкзака рекордер, наушники — те самые, старые, советские, отцовские. Положил на стол.

— Вот эти наушники. В них я слышу запись из школы. Смех, голос мамы. Через другие — нет.

— А что в рекордере?

— Запись скрежета мела. Но в наушниках — смех.

Эдгар взял наушники, покрутил в руках, поднёс к лампе. Потрогал кожаные амбушюры, понюхал. Марк не понял, зачем, но переспрашивать не стал.

— Хорошие. Советские, ТДС-5. У них своя акустика. Мягкий звук. Такие делали для военных. Подводники слушали гидроакустику в таких. Слышали то, чего не слышат другие.

Он надел наушники, взял рекордер, нажал воспроизведение.

Слушал долго, почти минуту. Марк слышал слабый шорох — всё, что доносилось из динамиков. Потом Эдгар снял наушники.

— Смеха нет.

— Что?

— Я не слышу смеха, — повторил Эдгар спокойно, без удивления. — Только скрежет. Но я не удивлён. Эти аппараты не для всех говорят. Только для тех, кто умеет слушать. Только для Резонаторов.

Он отодвинул наушники в сторону, пододвинул к себе рекордер, покрутил колёсико громкости.

— Лиля сказала, ты слышал ещё голос. Через другой аппарат.

— Да. У себя дома на студии. Через рабочие наушники. Шёпот: «Не ищи шаги».

— Где? На какой записи?

— На чистовой. Подкаст про старый рынок. Её там быть не могло.

— Уверен?

— Абсолютно. Я сам монтировал. Чистил шумы, убирал лишнее. Этого шёпота не было.

Он появился после.

Эдгар кивнул, будто услышал что-то привычное. Откинулся на спинку стула.

— Я собираю такие голоса, — сказал он. — Точнее, не голоса. Звуки. Те, что не должны существовать. Шаги там, где никто не ходил. Плач, которого никто не слышал. Щелчок замка, который никогда не открывался. Они появляются на старых носителях. Иногда — в новых. Никто не знает почему. Я знаю одно: эти звуки ищут тех, кто способен их услышать.

Он замолчал. Марк ждал. Лиля не двигалась.

— Ты знаешь, что такое Резонатор? — спросил Эдгар.

— Нет.

— Так я называю тех, кто может слышать эти звуки. Не все слышат. Почти никто. Но некоторые — да. Лиля, например. Ты — тоже. Резонаторы — как антенны. Вы ловите то, что передают мёртвые частоты.

Марк хотел спросить, что это значит, но Эдгар поднял руку.

— Я расскажу тебе историю. Ты решишь, верить или нет. Но потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Он положил руки на стол, переплёл пальцы. На правой руке не хватало мизинца — старый, давно заживший шрам.

— Говорят, у каждого человека есть двойник. Не близнец, не клон. Другая версия тебя. Которая живёт в другом времени, в другом месте, но сделала другой выбор. Иногда двойники умирают. Не так, как ты. Раньше. Или позже. Но их смерть оставляет след. Звуковой след. Шаги, которые они не сделали. Крик, который не вырвался. Щелчок замка, который так и не открыл дверь.

Марк молчал. Это звучало как бред. Но он вспомнил смех в школе, голос «не бойся», шёпот «не ищи шаги». Это тоже было бредом. Пока не стало реальностью.

— Три звука, — продолжал Эдгар. — Если собрать три правильных звука — шаги, всхлип, щелчок замка — можно открыть дверь. Войти в день, когда умер твой двойник. И встретиться с ним.

— Зачем? — спросил Марк. Голос прозвучал хрипло.

Эдгар усмехнулся, но без веселья.

— Затем, что если ты встретишь его, вы можете обменяться. Ты займёшь его место. Он — твоё. Или не обменяться, а просто... понять. Но чаще всего один из вас исчезает. Навсегда.

Он снял с шеи ключ, положил на стол. Ключ глухо стукнул по дереву. Тяжёлый, чёрный, с ржавчиной. На головке — непонятный символ, похожий на завиток.

— Этот ключ ни к чему не подходит. Я ношу его двадцать лет. Он напоминает мне, что дверь существует. Я слышал свои звуки. Все три. Но не открыл. Побоялся.

— Почему?

— Потому что один из трёх звуков — мой собственный будущий крик. Я не хотел его услышать. И не услышал. Дверь закрылась. Навсегда.

Он пододвинул ключ к Марку. Тот не взял.

— Ты можешь попробовать. Если хочешь. Но предупреждаю: ты услышишь свой крик. И тогда выбор станет неизбежным. Ты либо войдёшь, либо нет. Но назад дороги не будет.

Марк посмотрел на ключ. Потом на Лилю. Та отвела взгляд. Её лицо было спокойным, но Марк заметил — она покусывает губу, как будто хочет что-то сказать, но не решается.

— А что, если я не буду искать эти звуки? — спросил Марк.

— Тогда они будут искать тебя, — сказал Эдгар. — Они всегда находят Резонаторов. Вопрос не в том, захочешь ли ты их слушать. Вопрос в том, готов ли ты их услышать. Потому что однажды они заговорят так громко, что ты не сможешь заткнуть уши.

Он встал, опираясь на стол. Встал медленно, с трудом — колени не слушались.

— Завтра в это же время. Лиля покажет тебе первую запись. Шаги. Если передумаешь — не приходи. Ничего не случится. Ты просто будешь слышать странные звуки до конца жизни. Как я. Как многие.

Он повернулся и медленно пошёл в глубь подвала, в темноту. Сначала его фигура ещё виднелась в полумраке, потом растворилась.

Марк остался сидеть. Лиля подошла, взяла ключ со стола и повесила его обратно на крючок, вбитый в стену.

— Он не сумасшедший, — сказала она тихо. — Я думала, что сумасшедший. Два года. Пока не услышала свой голос в плеере. Тот, который сказал «ты не виновата». Я до сих пор не знаю, чей это голос. И в чём я не виновата. Но я его слышу. И не могу забыть.

Она села на стул, который занимал дед, сложила руки на коленях.

— Завтра в семь. Я покажу тебе больницу. Там шаги. Если не боишься.

Марк посмотрел на аппараты на стеллажах. Десятки мёртвых машин, каждая из которых, возможно, хранила чей-то последний звук. Чью-то боль, чью-то надежду, чей-то крик, который никто не услышал.

— Я приду, — сказал он.

Лиля кивнула.

— Тогда купи сушек по дороге. Дед любит с маком. И не опаздывай. Он не прощает опозданий — говорит, время — единственное, что нельзя записать.

Они вышли из подвала, поднялись в архив. На улице уже стемнело. Фонари зажглись, отбрасывая оранжевые круги на мокрый асфальт.

Марк сел в машину, но не заводил. Сидел и смотрел на фасад серого здания. Потом достал телефон, набрал Аню.

— Привет.

— Привет. Ты где? — голос у неё был усталый.

— У одного старика. Консультировался по звуку.

— Ага. Молоко купил?

— Нет ещё.

— Ну купи. И картошки, если не сложно. И хлеба. И яиц.

— Хорошо.

Она отключилась. Марк убрал телефон и завёл машину.

На заднем сиденье лежала пачка сушек, которые он купил по дороге. С маком.

Он выехал со стоянки и долго смотрел в зеркало заднего вида, пока здание архива не исчезло за поворотом.

Глава 5. Правило первой ночи

Марк вернулся домой почти в десять. В руках — пакет с молоком, картошкой, хлебом, яйцами и сушками, которые купил для Эдгара, но отдавать не пришлось — старик ушёл в подвал, не попрощавшись.

В квартире горел свет. Аня сидела на кухне с чашкой чая и смотрела в телефон. Рядом стоял её чемодан — маленький, ручной, тот, с которым она ездила к маме в другой город. Марк сразу заметил его, но сделал вид, что не понял.

— Привет, — сказал он, ставя пакет на стол.

Аня подняла голову. Она не плакала — Марк хорошо её знал, она вообще редко плакала, даже когда умерла её бабушка, она держалась. Но лицо было чужое. Закрытое. Как будто она уже ушла, оставив здесь только своё тело.

— Я ухожу, — сказала она.

Марк положил ключи на тумбочку. Медленно снял куртку. Ему хотелось сказать что-то правильное, но слова не шли. Они застревали в горле.

— Из-за работы? — спросил он, зная, что нет.

— Из-за тебя.

Аня отодвинула чашку. Села прямее, выпрямила спину, как перед важным разговором.

— Марк, ты последние две недели не со мной. Ты с этими... звуками. Ты сидишь в наушниках до утра, ты пропадаешь по вечерам, ты разговариваешь с какими-то странными людьми. Я не знаю, что происходит. И ты не говоришь.

— Я говорил.

— Ты сказал про шёпот. Я подумала, что это шутка. Потом — что ты переутомился. А теперь я не знаю, что думать. И не хочу знать.

Она встала, взяла чемодан за ручку. Чемодан был лёгкий — она уже отправила часть вещей в другой город? Или просто мало брала с собой?

— Я не могу жить с человеком, который ищет голоса в старых диктофонах. Это не безумие. Это выбор. Ты выбрал не меня.

— Аня...

— Не надо. — Она подняла руку. — Я не злюсь. Я просто устала. Три года мы вместе, а сейчас я чувствую себя чужой в собственной квартире. Ты здесь, но тебя нет. Ты смотришь на меня, но видишь что-то другое. Какую-то стену, или дверь, или ещё что.

Она прошла к двери, надела туфли, взяла ключи. Постояла секунду, глядя на него.

— Молоко в холодильник убери, а то прокиснет.

Дверь хлопнула. Не сильно, не со злостью. Просто закрылась.

Марк стоял посреди кухни и смотрел на пустой стул. Потом на чашку, из которой она пила. Чай ещё не остыл. Он хотел взять чашку, но рука не поднялась.

Он не побежал за ней. Не позвонил. Не написал. Стоял и слушал тишину.

В квартире стало пусто. Не потому, что ушла Аня, а потому что исчезли звуки — её шаги, её голос из душа, её дыхание во сне. Всё, что наполняло комнаты, ушло вместе с ней.

Марк сел за стол, уткнулся лицом в ладони и сидел так минут десять. Ничего не чувствовал. Пустота. Как будто из него выключили звук — такой же, как на его записях.

Потом встал, убрал молоко в холодильник, картошку в ящик, хлеб в хлебницу. Сушки оставил на столе — некуда их было девать.

Прошёл в комнату, включил компьютер, открыл проект со школой. Руки работали сами, а голова была где-то далеко.

Надел советские наушники — те самые, отцовские, в которых слышал смех. Нажал воспроизведение.

Скрежет мела. Тишина. Потом — тот же голос мамы: *«Не бойся, это просто игра»*.

Марк снова и снова переслушивал этот кусок. Пять раз. Десять. Двадцать. До тех пор, пока слова не потеряли смысл и не превратились в шум, в шёпот, в белый шум на границе сознания.

Он снял наушники. Посмотрел на телефон. Ни одного сообщения от Ани.

И вдруг подумал: а что, если Эдгар прав? Что, если эти звуки — не просто помехи или галлюцинации? Что, если за ними действительно что-то есть? Что, если они ведут к чему-то большему, чем просто странное совпадение?

Он открыл ноутбук, зашёл на форум аудиофилов. Нашёл тему «Странные голоса на старых записях». Пролистал страниц двадцать. Ничего похожего — только советы по чистке контактов и жалобы на шумные предусилители. Кто-то писал про «эффект призрака» — когда запись накладывается на другую запись из-за плохого экранирования. Но это было не то.

Закрыв ноутбук, лёг на диван.

Не спалось.

В три часа ночи он встал, налил воды, сел к окну. За окном ни души, только фонари горят и где-то далеко лает собака. Обычный ночной город. Но Марку казалось, что он видит его впервые — таким пустым, таким беззвучным.

Он вспомнил, что сказал Эдгар: «Они всегда находят Резонаторов». Вопрос не в том, захочешь ли ты их слушать. Вопрос в том, готов ли ты их услышать.

Марк подумал о шагах. О больнице, куда Лиля обещала его отвести. О всхлипе и щелчке замка. О двойнике, который, возможно, ждёт за дверью. Ждёт именно его.

Он подумал об Ане. О том, как она смотрела на него перед уходом. Чужая. Не потому, что она не хотела понимать. А потому, что он перестал ей что-то объяснять. Замкнулся в своём мире, в своих звуках, в своих тайнах.

Может, она была права. Он выбрал не её.

Но этот выбор уже случился. И не его было вина — или вина, не важно. Важно было то, что теперь он был один. И звуки — единственное, что осталось.

Марк допил воду, лёг обратно и уснул под утро, когда небо за окном начало светлеть, а птицы запели свой первый рассветный концерт.

Проснулся он от звонка. Лилия.

— Ты живой? — спросила она. Голос бодрый, утренний.

— А что?

— Восемь часов. Ты сказал, что придёшь в семь.

Марк посмотрел на часы. Половина девятого. Проспал.

— Проспал. Извини.

— Ничего. Дед сказал, что сегодня не получится. У него дела в городе. Завтра в то же время. Жду в архиве.

— Хорошо.

— Слушай... — Лилия замолчала на секунду. — Ты как?

— Нормально.

— Аня ушла, да?

Марк не спросил, откуда она знает. Просто ответил:

— Да.

— Такое бывает. — Голос у Лили был ровный, без жалости. — Многие не вывозят. Ничего. Привыкнешь.

— Я не хочу привыкать.

— Ну, тогда не привыкай. Просто живи дальше. Звуки не ждут, пока ты решишь свои проблемы. Они приходят в своё время.

Она отключилась.

Марк встал, умылся, сварил кофе. На кухне по-прежнему стояли две кружки. Он убрал одну в шкаф. Убрал и вторую, и третью — все, кроме одной. Оставил только свою.

Потом сел за компьютер и снова открыл запись из школы.

Послушал смех.

Потом открыл шёпот со студии.

«Не ищи шаги».

Он сидел и смотрел на волновую картинку. Там не было ничего, кроме скрежета и тишины. Плоская линия, никаких всплесков, никаких аномалий.

Но он-то знал.

Он знал, что где-то там, внутри этих цифр, живут голоса. Они спрятались, затаились, но они есть. И они хотят, чтобы он их нашёл.

Марк взял телефон и написал Лиле: «Завтра в семь. Буду».

Ответ пришёл через минуту: «Договорились. Сушки не забудь. И будь вовремя — дед не прощает опозданий».

Марк усмехнулся. Это была первая улыбка за последние сутки.

Он выключил компьютер, надел куртку и вышел на улицу.

Дождь кончился. Солнце пробивалось сквозь тучи, лучи падали на мокрый асфальт, зажигая в лужах маленькие радуги. В городе шумела жизнь — машины, люди, голоса.

Марк шёл по мокрому асфальту и думал о том, что завтра, возможно, услышит шаги мёртвого человека.

И ему было не страшно.

Страшно было только то, что он, кажется, начинал к этому привыкать.

Глава 6. Больница «Тихий корпус»

Они встретились в семь, как договаривались. Лиля стояла у входа в архив, жевала сушку и слушала свой плеер. Увидела Марка — кивнула, не вынимая наушников. На ней был тот же старый свитер, что и в прошлый раз, только джинсы другие — поношенные, с выцветшими коленями.

— Готов? — спросила она.

— Не знаю.

— Нормальный ответ. Пошли. Дед сказал, что сегодня полнолуние. Говорит, в полнолуние звуки слышны лучше. Я не знаю, правда ли это, но проверять не хочется.

Она повела его не к машине, а в сторону, к остановке. Марк удивился:

— Далеко?

— Рядом. Пятнадцать минут пешком. Машину там не поставишь — дороги нет, одни ямы.

Они прошли мимо старых пятиэтажек, потом через пустырь, заросший травой по пояс, потом вдоль забора из ржавой сетки. Лилия не говорила ни слова. Марк тоже молчал. Ему не хотелось задавать вопросы — казалось, что сейчас главное просто идти, не думать, не анализировать, просто быть здесь.

Забор кончился. Дальше был асфальт, растрескавшийся, с проросшими одуванчиками и крапивой. В конце дороги стояло здание — трёхэтажное, длинное, с выбитыми окнами и облупившейся краской. Раньше, наверное, оно было белым. Теперь — серым, как всё вокруг. Серая краска отслаивалась пластами, обнажая тёмный бетон.

— Больница, — сказала Лилия. — Закрыли лет десять назад. Туберкулёзное отделение. Потом просто бросили. Городу не хватило денег на снос.

— Ты здесь была?

— Один раз. С дедом. Он искал запись шагов. Нашёл. Но не стал забирать — сказал, не его звук. Чужой. Для кого-то другого.

Она подошла к двери. Та была приоткрыта, висела на одной петле. Внутри зияла темнота.

— Фонарь есть? — спросила Лилия.

Марк достал из рюкзака маленький светодиодный фонарик. Включил — луч упёрся в тёмный коридор, выхватив из темноты кусок плиточного пола и облупленную стену.

— Идём, — сказала Лилия и шагнула внутрь.

Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то кислым — может, старыми лекарствами, а может, чем-то хуже. Пол был плиточный, местами выломан, местами залит чём-то, что когда-то было водой. Стены когда-то красили зелёной краской — теперь она шла пузырями и осыпалась при малейшем прикосновении. Тишина стояла такая, что Марк слышал собственное сердце.

— Куда? — спросил он шёпотом.

— На третий этаж. Там коридор. Дед сказал, шаги лучше всего слышны там. Что-то с акустикой — звук не затухает, а идёт по кругу.

Они пошли по лестнице. Ступеньки скрипели — Марк старался ступать тише, но звук всё равно разлетался по зданию, ударялся о стены и возвращался эхом. Лиля шла легко, почти бесшумно. На ней были кеды с тонкой подошвой.

На втором этаже Марк заметил открытую дверь. Заглянул — палата. Кровати ржавые, матрасы сгнили, на полу осколки стекла и старые газеты. На стене что-то было написано маркером, но разобрать было невозможно — буквы расплылись от влаги.

— Не отвлекайся, — сказала Лилия. — Дед говорил: если отвлечёшься, звук уйдёт. Он не ждёт.

— Я не отвлекаюсь.

— Отвлекаешься.

Она пошла дальше. Марк за ней.

Третий этаж встретил их темнотой — окна здесь были заколочены фанерой, и даже дневной свет не пробивался. Марк включил фонарь, повёл лучом по коридору. Длинный прямой рукав, двери по обе стороны. В конце — тупик. Стена.

— Дед сказал: нужно встать в центре, — сказала Лилия. — Ровно в полночь. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

— Так сейчас только восемь.

— Я знаю. Придётся ждать. Дед говорил, что терпение — это половина успеха. Вторая половина — умение слушать.

Марк посмотрел на часы. Четыре часа до полуночи. В заброшенной туберкулёзной больнице. На третьем этаже. С девушкой, которую он знает два дня.

— У тебя есть план на эти четыре часа? — спросил он.

— Сидеть тихо, — ответила Лилия. — И не шуметь. Я серьёзно. Звуки здесь живут своей жизнью. Если мы будем мешать, они уйдут. И не вернуться.

Она села на пол, прислонилась к стене. Достала из кармана свой плеер, надела наушники. Марк остался стоять.

— Ты серьёзно?

— А что делать? Пойдём гулять по этажам? Найдём трупы? Не хочу.

Марк вздохнул. Сел напротив. Достал телефон — сети не было. Достал рекордер, проверил заряд.

— А почему именно здесь? — спросил он. — Почему шаги в этой больнице?

— Дед сказал: потому что здесь человек три года ходил по кругу. В психиатрии держали. В одиночке. Каждый день — туда-обратно, туда-обратно. Четыре шага в одну сторону, четыре в другую. Как маятник.

— Откуда он знает?

— У него есть записи. Старые, с катушек. Голос врача, который вёл карту. Тот рассказывал. Дед собирал эти записи по всему городу — выкупал на барахолках, забирал из закрытых архивов. У него целая библиотека чужих смертей.

Лилия сняла один наушник, чтобы слышать Марка.

— Пациента звали Глеб. Он не был опасным. Просто замкнулся. Перестал говорить. Врач написал: «Больной ходит по палате, повторяя одни и те же движения. Похоже на ритуал». Через три года Глеб умер. От остановки сердца. В тот день, когда впервые попытался выйти за дверь.

— И его шаги остались?

— Дед говорит — да. Не все, конечно. Только один день. Тот, когда он решился выйти. Когда его сердце не выдержало.

Марк помолчал. История была жутковатой, но он уже привык. После Эдгара, после школы, после шёпота в студии — эта больница казалась просто следующим пунктом. Следующей остановкой в поезде, который уже не остановить.

— А ты? — спросил он. — Почему ты не пошла на свои звуки? Не только из-за страха. Что-то ещё?

Лиля не ответила сразу. Откусила сушку, прожевала. Посмотрела в темноту.

— Потому что мой голос сказал «ты не виновата». Я не знаю, в чём я не виновата. Но вдруг это неправда? Вдруг я всё-таки виновата? А голос — это просто... способ меня обмануть. Заставить открыть дверь.

— Зачем?

— Не знаю. Может, чтобы я осталась там. Как Глеб. Как Алиса. Дед говорит, нельзя доверять этим звукам. Они не врут, но и правду не говорят. Они просто есть.

Она снова надела наушник. Давая понять, что разговор окончен.

Марк не настаивал. Он сидел, смотрел на луч фонаря, который упирался в потолок, и слушал тишину. Иногда где-то далеко что-то скрипело — то ли здание оседало, то ли мышь пробежала, то ли шаги. Чьи-то шаги.

В половине одиннадцатого Марк достал свой плеер — обычный, не магический — и включил музыку. Тихо, чтобы не мешать Лиле. Она сидела с закрытыми глазами, и Марк не был уверен, спит она или просто слушает свои тайные звуки.

В одиннадцать он встал, размял ноги. Прошёлся по коридору — но недалеко, чтобы не потерять из виду свет фонаря, который оставил на полу у Лили. Стены были голые, без табличек, без следов жизни. Только иногда попадались дыры от гвоздей — кто-то когда-то вешал здесь расписания, графики, портреты вождей.

Он вернулся. Лиля открыла глаза.

— Скоро, — сказала она. — Дед сказал: ровно в полночь. Ни секундой позже. Звуки не любят, когда на них опаздывают.

— А если опоздать?

— Тогда ничего не будет. Просто тишина. И ты уйдёшь ни с чем. А завтра придётся начинать сначала.

Марк посмотрел на часы. Без пятнадцати двенадцать.

Он достал рекордер, воткнул наушники — те самые, советские, отцовские. Проверил уровень сигнала. Всё работало.

— Встань в центр, — сказала Лиля, поднимаясь. — И не двигайся. Что бы ни услышал — не двигайся. Даже если покажется, что кто-то дышит в затылок.

Марк кивнул. Встал. Ноги на ширине плеч, спина прямая. Как солдат на посту.

Лиля отошла к стене, села на корточки. Убрала плеер в карман. Смотрела на Марка.

Без пяти двенадцать. Марк чувствовал, как колотится сердце. Рекордер в руке, наушники на ушах.

Без двух. Тишина.

Без одной.

— Давай, — шепнула Лиля.

Ровно в полночь Марк нажал запись.

Сначала ничего не было. Только шипение наушников и слабый гул — работа самого рекордера. Марк стоял, слушал, смотрел прямо перед собой.

И вдруг — шаги.

Не рядом. Где-то в конце коридора, далеко-далеко. Медленные, тяжёлые. Человек шёл в его сторону. Марк замер. Шаги приближались. Секунда, вторая, третья. Пол становился холоднее под ногами.

Он услышал дыхание. Своё? Или чужое?

Шаги остановились прямо перед ним. Марк чувствовал — кто-то стоит вплотную, почти вплотную, на расстоянии вытянутой руки. Но в коридоре, кроме него и Лили, никого не было.

И вдруг шаги пошли обратно. Так же медленно, так же тяжело. Удалялись.

Марк не дышал. Шаги затихли где-то в конце коридора.

А потом раздался звук открывающейся двери. Скрип. И тишина.

Марк нажал «стоп». Снял наушники. Посмотрел на Лилю.

— Ты слышала? — спросил он. Голос дрожал.

— Я ничего не слышала. Только тебя.

— Я молчал.

— Значит, тишину.

Марк перемотал запись. Надел наушники, включил воспроизведение.

Шаги. Тяжёлые, медленные. От начала до конца. И в конце — скрип двери.

Он передал наушники Лиле. Она надела, послушала минуту. Лицо у неё было спокойное, но Марк заметил — рука дрожит.

— Есть, — сказала она тихо. — Есть шаги.

Она сняла наушники, отдала обратно.

— Первый звук готов.

Марк выключил рекордер, убрал в рюкзак. Взял фонарь, посветил в конец коридора. Никого. Только голые стены и заколоченные окна.

— Пошли, — сказал он.

Лили кивнула. Они спустились по лестнице, вышли на улицу. Ночь была холодной, звёздной. Луна висела низко, огромная, жёлтая.

Марк глубоко вдохнул.

— Ты как? — спросила Лили.

— Не знаю. Вроде нормально.

— А должно быть ненормально. Ты только что записал шаги человека, который умер десять лет назад. Это не каждый день случается.

Марк посмотрел на неё.

— Ты правда ничего не слышала?

— Правда. Я просто сидела и смотрела на тебя. Ты стоял как каменный. Даже не моргнул.

Она достала последнюю сушку, надкусила.

— Завтра в это же время — всхлип. Дед сказал, место другое. Коммуналка на Южной.

— Откуда у него все эти адреса?

— Собирал всю жизнь. У него блокнот. Толстый, в кожаном переплёте. Туда он записывает места, где слышал звуки. Говорит, что каждый звук имеет свой адрес.

Она посмотрела на Марка.

— Ты уверен, что хочешь продолжать?

Марк подумал об Ане. О пустой квартире. О шёпоте «не ищи шаги», который теперь звучал в его голове даже без наушников. О шагах, которые он только что записал.

— Уверен, — сказал он.

Они пошли к остановке. Луна светила ярко, и тени падали на асфальт. Две тени. Марк смотрел на свою — обычная, чёрная, ничем не примечательная.

Но ему показалось, что она на секунду отстала.

Всего на секунду.

Он ускорил шаг, догнал Лилю, и больше не оборачивался.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.